

18+

Виктор Новиков

СЕЛИВАН-ВЕЛИКАН И ДОБРОЕ ДЕЛО ПО ДУШЕ

Сказочная история

Виктор Новиков

**Селиван-великан и доброе дело
по душе. Сказочная история**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39825458

ISBN 9785449397508

Аннотация

Юный великан Селиван отправляется на поиски доброго дела по душе, чтобы оплатить свои долги. Но как оценить это доброе дело.

Содержание

Откуда берутся денежки	5
Разговор с мамой	11
Перевёртыш	18
Те же и Величава	26
В селении	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Селиван-великан и доброе дело по душе Сказочная история Виктор Новиков

*Ничто не ново под луною:
Что есть, то было, будет ввек.
Н.М.Карамзин*

© Виктор Новиков, 2018

ISBN 978-5-4493-9750-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Откуда берутся денежки

Когда-то у нас не знали смартфонов,
Не знали машин, интернета и телика,
Тогда-то и жил
Селиван-великан,
На правой щеке пшеница росла,
На левой – обильная рожь колосилась,
А на темечке – сам овёс-батюшка.
А бороды и усов у него не было,
Потому как Селиван
был молод ещё.

Шили двадцать портных штаны ему,
Ещё двадцать портных шили курточки,
По десять сапожников тачали каждый сапог,
По десять вязальщиков
вязали каждый носок,
Потому как ходить босиком
Великанам опасно:
Вдруг какая-то башенка
занозою врежется.

Жил Селиван-великан ни богато, ни бедно,
Только денег в карманах никогда не имел,
Но зато он и в долг никогда не брал,

И сам никогда никому не давал,
И всегда настроение
было хорошее.

Но пришли к нему все работники
И плату свою стали требовать
По тринадцать рублей за один сапог,
По тринадцать рублей за один носок,
А за курточку аж двадцать шесть рублей,
да ещё за штаны двадцаточку.

Удивился Селиван: «Что за денежки?
И зачем они вам понадобились?
Я-то думал, что вы меня любите
И подарки готовите к празднику».

— Мы и рады тебя бы порадовать, —
Говорит ему старший работничек
Из портных, что по имени Швейка. —
Только кто за работу заплатит нам?
Мы б купили провизии в семье,
Прикупили к хозяйству, что надобно,
Малышам — леденечков на палочках.

Призадумался Селиван-великан,
Весь овёс он из темени вычесал:
«А откуда берутся-то денежки?
Я пока что ещё их не видывал».
Отвечают ему:

– Ты подумай-ка,
Сколько дел на земле недоделанных,
Ждут-пождут твоего в них участия.
Ты пойд-ка по свету белому
Да найди по душе дело доброе,
А за это дадут тебе денежку,
Сразу с нами со всеми рассчитаешься.

И обрадовался Селиван-великан:
«Ну, спасибо вам, так я и сделаю».
Так сказал Селиван да задумался,
А в какой стороне-то искать
Это самое доброе дело?

– А ты людей поспрошай-посоветуйся,
Только помни: дела-то ведь разные,
Есть такие, что добрыми кажутся,
Наповерку от них только вред один.
Ты посматривай да подумливай,
Только с сердцем своим посоветуйся,
Уж оно-то тебе самый верный друг, —
Старый Швейка Селивана напутствовал.

И не стал Селиван откладывать,
Поклонился своим работничкам
Да и сразу в дорогу отправился,
Не направо пошёл, не налево он,
А туда, куда глазки направили.

И легко ему так шагалось,
На душе словно песня пелась,
День погожий был, как настроение,
Небо было, как совесть, чистое,
Было солнце доброе, светлое,
Словно матушки благословение.

Недалёко шёл, вёрст пятнадцать лишь,
Видит полосу недовспашенную,
А на ней земледелец – старик
Понукает кобылку усталую,
А кобылка-то тужится, тужится,
Только с места никак не сдвинется,
Знать застряла соха в коряжине,
Самому старику не справиться.

Увидал Селивана старик,
Поклонился ему, просит помощи:
– Помоги великан-добрый молодец
Одолеть мне эту коряжину,
У тебя, вижу, силы достаточно,
Самому не хватает мне силушки.

Отвечает ему Селиван-великан:
– Я и рад бы помочь тебе, дедушка,
И делов-то здесь лишь плечом шевельнуть,
Только это ль работа душевная,

За которую денежки платятся?

Говорит старик: – Небогатый я,
Всех нажитков серебряный гривенник,
Но и тот я тебе хоть сейчас отдам,
Помоги одолеть мне коряжину

– Извини, старик, – говорит Селиван. —
Я помочь тебе не могу сейчас,
Мне найти надо дело доброе,
За которое денежки платятся,
Чтобы долг мне отдать рабочим.
Ты ж пока отдохни, как пойду назад,
Одолеем твою мы коряжину.

Только ветер откуда-то вынырнул,
Налетело вдруг облако серое,
Понахмурилось солнышко ясное,
В сердце что-то тревожное стукнуло.

Почесал Селиван по затылку:
– Эх, неважно я что-то выдумал,
Видно надо помочь тебе, дедушка.

Подожёл и легонько так выдернул
Зловредную эту коряжину.

С благодарностью и поклоном
Тянет пахарь заветный свой гривенник.

Селиван же ему:

– Что ты, дедушка,

Не за гривенник я помог тебе,

Даже если б от долга избавился.

Подсказало мне сердце, что плата за труд

Твоё доброе слово, дедушка.

Пожелал ему пахарь:

«В добрый путь!

Как обратно пойдёшь, загляни ко мне,

Угощу я тебя новым хлебушком».

Разговор с мамой

Долго, мало ли шёл Селиван-богатырь,
Вот и горы громадою высятся,
И летит по скале быстрый горный поток,
А по берегу люди топчутся
Да баграми всё в воду тычутся.
«Не моё это дело, – решил богатырь. —
Может рыбу ловить пытаются...»
Только вырвался шквал,
Гром в горах прогремел,
Солнце краешком тучи накрылося,
Сердце сжалось в груди.
«Видно что-то не так» – понял тут Селиван,
Поспешая к мужчинам на помощь,
Видит: бьётся поток,
Словно в зыбке, в челне
Колыхается дитятко малое,
И речною водой заливают его,
А дитё уж не плачет, не движется.
Но на том берегу мать от ужаса мрёт,
Рвётся в воду спасти своё дитятко.
Впереди – водопад, чёлн стремится к нему,
И не видно путей для спасения.

Селиван-великан встал в могучий поток

И в последнем мгновении выловил
Чёлн и дитятко в нём
и на берег несёт.

Люди пали пред ним на колени.

Засмутился герой:

– Встаньте, встаньте скорей!

Лучше дитятко вы обогрейте,

Накормите его, приласкайте его,

Вон ведь страхи какие извело!

И собрался идти.

Не пускает народ,

Стал спрашивать, стал выведывать,

Мол, откуда, куда и зачем он идёт.

Говорит Селиван:

– Я работу ищу,

Чтоб была по душе да по силе мне,

И ещё чтоб платили мне денежки:

Надо долг мне обещанный выплатить.

А народ:

– Коли так, всё тебе отдадим

За спасение нашего дитятки.

Отказался герой:

– Разве деньги берут

за такие дела?

Это стыдно, друзья, не по совести.

Долго—долго народ всё смотрел ему вслед
И желал ему разных успехов....

Не дорогой идёт Селиван-великан,
Напрямки по лесам, по болотинам,
По раздольным лугам, по цветущим холмам,
Речки малые так перешагивал,
А широкие враз перепрыгивал,
А питался в пути он, чем Бог послал,
Запивая водою озёрною.
Шёл и в каждом селенье выспрашивал,
Где бы дело найти ему доброе,
Чтоб по силе его и душе его.
Дел-то много, да всё были малые,
За которые денежки брать
и душа не велит.
А должок-то, наверное, дома ждут,
Детки малые ждут леденчиков.
И не мог Селиван вернуться домой,
Хоть устал и по дому соскучился,
Пусть сильны великаны и рослые,
Только все они по-людски живут
По обычаям нашим, по правилам.
Тут как раз он и вышел на славный лужок,
Ровный, чистый и травка шелковистая:
Лучше нет, чтоб прилечь
И ногам надо дать

От дорог хоть немножечко роздыху.
Только лёг, как уснул,
И приходит во сне
К нему матушка: он со младенчества
Не видел её, но признал тот час.,
Вот такой он её представлял всегда:
Если были вдруг в жизни трудности,
К нему матушка приходила во сне,
По головке его поглаживая,
Говорила слова ему ласковые
И советы давала добрые.
Тех советов всегда он слушался.
А глаза у неё были светом полны
Материнской любви и участия.

Но на этот раз было что-то не так,
Толи взгляд был суров, толь одежда черна,
Толи голос у матушки холоден:
– Селиван, Селиван, вот и вырос, мой сын,
А ума и смекалки не нажил ты.
Хорошо у тебя сердце доброе есть,
И помочь всем в их бедах стараешься,
Но чего хочешь ты, в чём стремление твоё,
Где намерен искать дело доброе?

Отвечал Селиван:

– Мне сказали, что есть,
Для меня где-то доброе дело,
По душе будет мне, могут денежки дать,

Чтобы смог я с долгами управиться,
Только где это дело, не сказано мне,
И куда я иду, сам не ведаю.
Я у встречных об этом расспрашивал,
Все деньгами помочь мне старались,
Только, где моё дело, не знали они,
Может, ты знаешь – ведаешь, матушка?»

– Хорошо, подскажу, но послушав совет,
Сам умишком своим поразмысливай,
Ведь совет – это только тропиночка,
А шагать-то по ней самому тебе.
Ладно, слушай: проснёшься – вокруг погляди,
Недалече есть деревце странное,
Росту в нём два аршина и тоненькое,
А листочки на нём красно-белые,
А плоды как один – темно-синие.
Там найди ты такую веточку,
Чтобы вместе на ней было три плода
И листочек один посерёдке.
Эту веточку ты аккуратно сломи,
Чтобы деревце не потревожилось.
Ты плоды береги, будет трудно тебе
Так, что выхода нет,
плод один оторви,
Разотри его левою ножкою.
А плоды никому не показывай
И о них никому не рассказывай,
А не выдержишь – проболтаешься,

То и помощи ты уже не жди.
А идти тебе, не сворачивая,
Вот по этой лесной тропиночке,
А за лесом уже поджидает тебя
Испытание первое, трудное.
Если выдержишь,
значит дальше пойдёшь,
А не выдержишь —
возвращайся домой,
Эту веточку под окно своё
Сразу в землю воткни и водой полей:
Будет память тебе по матери.

— Что ты, матушка, неужели ко мне
Ты уже не придёшь и прощаешься?

— Эх ты, сын Селиван, вот и вырос ты,
А не знаешь того, что для матери
Даже сын-великан словно маленький,
Будет рядом она с ним во веки веков
От рожденья до самой смертушки,
Для любви материнской преград
Не бывает: она бессмертна,
Но и ей не всегда удаётся
Уберечь от беды своё дитяtko...

Тут и кончился сон. Селиван потянулся
И не стал на лужочке разлёживаться,
Поднялся, огляделся, и видит он

Недалече то деревце чудное,
Всё, как матушка и предсказывала.
Он сломал заветную веточку
И припрятал её от сторонних глаз
На груди возле самого сердца.
И пошёл по лесной тропинке,
Пригибаясь от веток встречных,
Потому, как и сам он был
Ростом с дерево в этом дремучем лесу.

Перевёртыш

А за лесом открылся широкий вид:
Поле дикое быльём поросло.
Кое-где кустарники скучились,
А по центру хоромы стоят
Даже для великана великие.
А вокруг – палисад в цветах,
Все цветы голубые да красные.
И одна лишь дорога-каменка
От ступеней входа парадного
Убегала куда-то за горизонт,
И тропинка в дорогу вливалась,
Словно маленький ручеёк
в речку вольную.
Но едва Селиван на дорогу ступил,
Как пропала тропинка, растаяла,
Так что ходу назад Селивану нет.
Великан же не видел этого,
Он спокойно пошёл к хормине.
А хоромы точно ждали его
И врата перед ним открывали.
Но внутри его никто не встречал,
Тишина, ни единого шороха.
И пошёл Селиван из залы в залу,
Окликая:

– Хозяева, где же вы?
Но никто ему не откликнулся,
Лишь в последней зале увидел он
Человека на лавке лежащего,
Недвижимого, словно мёртвого.
Подошёл к нему Селиван-великан,
Лоб потрогал тихонечко пальчиком.
И тут человек глаза открыл:
– Наконец-то явился ты, Селиван-великан,
Всем подряд помогаешь ты,
а я всё жду-пожду,
Наконец-то и моя пришла очередь.

Сказал человек и на лавке сел.
Был невзрачен на вид и телом тщедуш,
Самым ярким пятном на нём была лысина
Ярко-жёлтая, в конопушках вся.
А одет был совсем неразборчиво:
Свержу толи зипун, толи старый халат,
А под ним просто майка в полосочку,
А и та, повсему, не с его плеча:
До пупа видно тело костлявое.
Непонятен был и покрой штанов,
На ногах было что-то плетёное.
И откуда такое чудилище
Во хоромаш таких появилось?

Говорит Селиван строгим голосом:
– Кто ты есть? Почему я не знаю тебя,

Ты же кличешь меня по имени?
У тебя вон хоромы богатые,
А одет ты в какое-то рубище,
И на лавке лежишь непостеленной,
Будто мёртвый лежишь, притворяешься?
И с чего ты решил, что к тебе я зайду,
Помогу тебе в чём-то неведомом?

— Ну, ответить тебе дело плёвое,
Ведь молва о тебе впереди бежит,
О делах твоих понаслышен я,
У меня к тебе тоже дело есть,
И по силам, и, может, по душе твоей,
И помочь в этом мне не откажешься,
Потому как ты сердце слушаешь,
А оно у тебя очень доброе.
И дорожку сюда я тебе заказал,
А зовут все меня Перевёртышем.
Очень рад я с тобой познакомиться, —
Улыбнулся хозяин в бородёнку свою. —
А одёжка моя и взаправду плоха,
Да и лавка проста незастеленная —
Это всёя того, чтобы жалость в тебе
Появилась ко мне одинокому.
Но сейчас это всё поменяю я.

С лавки встал, крутанулся вокруг себя.
Селивану предстал вдруг богатый мужик,
Сам в костюме из бархата чёрного,

На ногах сапоги точёные,
Золотая цепь в четверть пуда на нём,
Алый камень с груди так и светится,
Словно кровью живой изливается.
А на пальцах перстни все с камнями
Драгоценными да невиданными.
Лавка креслом подстать обернулася,
Тоже сказочно изукрашенным.
Так сменилось всё за единый миг,
Только лысина прежней осталась.

– Ну, таким я тебе больше нравлюсь ли? —
Перевёрыш опять улыбается. —
Только ведь мне при этом наряде
Ты помочь в моём деле откажешься?

Селиван промолчал.

Перевётрыш опять:

– Да, я очень богат, всё, что хочется, есть,
Об одном моё горе-кручинушко:
Сына нет у меня, нет наследника мне,
Кому это богатство оставлю я?

Селиван говорит:

– Ну а я-то при чём?

Где тебе раздобуду наследника?

Вроде справный мужик, так жену заведи,

Постараетесь – будут наследники.

Перевёртыш в ответ:

– Много жён у меня

Было, все, как одна, раскрасавицы,

Только сына они мне не родили,

И теперь все покоятся с миром:

Я не мог им простить бесплодия.

– Не в тебе ли причина, что нет детей?

Селиван-великан напрямую спросил. —

Может, зря погубил ты невинных жён?

– Нет, не зря, – закипел Перевёртыш. – Не зря!

Что ты знаешь и в чём обвиняешь меня?

И внутри, и снаружи здоровый вполне

Я к отцовству готов, а они... а они...

Ты зачем появился? Для того, чтоб помочь!

Ты обязан и, хочешь – не хочешь,

Будешь мне помогать, а за эти труды

Так тебя одарю, что не только долги,

Но и сам будешь жить припеваючи.

Ничего не ответил на то Селиван,

Но суровым лицо его сделалось.

А хозяин продолжил:

– А дело тебе

Вот какое исполнить надобно:

Недалече отсюда селение есть,

Население – сплошь бездельники,

Оборванцы, воришки и прочий сброд,

Потому и живут они впроголодь.
Но зато их детишек в каждом доме полно.
Я бы к делу давно приучил их,
секрет
Многодетности тоже бы выведал,
Но работать они на меня не хотят,
Про секрет свой молчат, насмехаются,
И ничто с ними сделать не в силах я,
Видно есть у них кто-то в защитниках.
Вот пойдёшь в то село и защитника мне
Предоставь. И тогда всё исполню я,
Дам тебе я богатство несметное.

Не сдержался на то Селиван-великан:
– Ты не жди от меня в этом помощи!
Против бедных людей не могу я идти,
Это дело совсем не доброе!

– Не пойдёшь – побежишь,
Как узнаешь, что я
К ним пожары пошлю великие,
Всё селение и население —
Всё сгорит, ничего не останется.
Только ты, только ты, Селиван-великан,
Можешь их уберечь от бедствия.
Приведи ко мне их защитника,
Ничего я ему не сделаю,
Пусть поможет он мне с наследником,
Ты же сделаешь доброе дело,

И оно по душе тебе будет.

– Нет, не будет! Ты врёшь, Перевёртыш!

– Погоди ты и зря не журишь, Селиван, —

Перевёртыш опять изменился,

Стал дедком небольшим и уютным,

И в одежде простой, деревенской,

Только лысина так же светилась

В обрамлении редких седин

Голос тоже стал сладко-умильным:

– Сразу нет? Ты подумай сначала,

Ты селенье спасёшь от пожара,

Скольким душам не дашь ты погибнуть,

Мне с наследником тоже поможешь.

А в итоге и долг свой уплатишь,

Да и сам заживёшь, словно барин...

Ладно, думай, даю тебе срок

До утра. Я не злой и не вредный,

Но откажешься – всем будет худо.

– Что же утром?

– Их утром не станет.

И не станет тебя. Ты пойми,

По злодейской природе своей

Поступить не могу я иначе...

Всё, устал я, ты думай, решай,

Мне ж пора отдохнуть, подкрепиться,

А чтоб ты не сбежал, я, пожалуй,
Уложу-ка тебя на засыпкровать:
Без заветного слова не проснуться тебе,
А скажу я его только утречком, —
Засмеялся старик и руками взмахнул,
И засыпкровать появилась вдруг,
Из грубых досок сколоченная,
По размеру как раз Селивану была,
И ни чем не была застелена,
В подголовье полено положено.
Селивану же это
было всё нипочём,
На кровать он упал, как подкошенный,
Богатырским сном он уснул тот час,
По-младенчески сладко причмокивая.

Те же и Величава

Перевёртыш довольно ладошки потёр:
– Дело сделано. Пусть недоброе,
Но оно по душе мне. А утречком
Побежит Селиваша, как миленький,
И доставит упрямца-заступника,
Здесь я с ним разберусь, не помилую.

Словно вихрь по хоромам пронёсся,
Закружил у засыпкровати
И опал.
И явилась из вихря девица,
Раскрасавица из красавиц,
Про таких говорят: «ни пером описать...»,
Только глянула на великана
И на Перевёртыша кинулась:
– Это что, дуралей, понаделал ты?
Ну, зачем усыплять Сливанушку,
Он и так никуда бы не делся:
Простофиля он, как ребёнок,
Только лаской легко убедить его
Сделать всё, как нам этого хочется.
Разбуди и исчезни, а я уж сама
С ним решу все вопросы, как надобно.

– Хорошо, Величава, – Перевёртыш в ответ. —
Но смотри, если он заартачится
Ты его не жалей, сделай так, чтобы он
Позабыл о делах своих добрых
И о долге своём неоплаченном,
А про душу считал, что её вовсе нет.

– Может, просто убить?

– Да не можем мы,
Оберегом ему его матушка:
Можем подлость любую придумать ему,
Только жизни лишить не получится.

Перевёртыш шепнул что-то тихое,
Непонятное, неразборчивое,
Селиван на ногах оказался вдруг,
Кулаками глаза протирает,
А засыпкровать испарилась,
Словно здесь её вовсе не было.

– Что ты глазки трёшь, Селиванушка,
Не соринка ли вдруг залетела тебе? —
Величава гладит сострадательно,
Голосок у неё сладок, словно мёд.

– Не пойму ничего. Что я, стоя, уснул?..
Кто ты, девица-раскрасавица?

– Не беда, что ещё не знакомы мы,
О твоей доброте понаслышана
И хочу стать тебе другом верным я,
А зовут все меня Величавою
За мою красоту, наверное.

– Как ты здесь оказалась?

– Да мимо шла,
Заглянула к знакомцу давнему,
К Перевёртышу:
он хоть и злой колдун,
Да несчастен в судьбе своей,
вот и мечется,
Строит пакости людям разные,
Сам же в ласке, заботе нуждается,
Я его пожалею по случаю,
Он на время, глядишь, успокоится.
Я ведь тоже колдунья, но добрая,
Потому Перевёртыша жалко мне:
Ну, нажил он богатства несметные,
А умрёт – и кому всё достанется?

Приздумался Селиван-великан:
Так выходит, что это селение
Навестить всё равно приходится.
– Будь по-вашему, – соглашается он, —
Только пакость я людям не сделаю,
Если что, за обман поквитаемся.

И защитника по его лишь согласию
Приведу, так и быть, к Перевёртышу.

Величава в ладошки захлопала:
– Ах, как славно у нас получается!
Я не зря назвала тебя другом,
А друзей разве можно обманывать?
Хочешь, вместе с тобой я к селянам пойду?..
Только как Перевёртыш один тут останется?
Он во злобе своей
снова что-нибудь выкинет...
Как ни жаль, Селиван,
будет лучше для всех,
Если это село ты один навестишь,
Я же здесь присмотрю за порядчком.

В селении

Селиван до утра дожидаться не стал
И в селение сразу отправился
По дороге прямой и единственной:
И захочешь, а всё не заблудишься.
Потому, как и шаг Селивана велик,
И идти не хотелось по тёмному,
Лишь звезда засветилась вечерняя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.